

ТРЯПИЧНАЯ КУКЛА

Йохан шёл по сельской дороге и любовался природой. Сказать почестному, занятие это было вынужденное. Йохану совсем не нравились местные ландшафты. Куда милее его сердцу были тёмные извилисто-узкие улицы его родного города. Оставшегося где-то вдали, за чертой, разделившей его судьбу, как и судьбы других людей на до и после.

Но кто бы теперь понял Йохана, если бы он стал жаловаться на свою долю? Он и не жаловался. Он привыкал. День за днем. Минута за минутой. Почти получалось. Очень помогали жена и дочь. Милые, светлые... Как им удавалось оставаться такими сейчас? Рядом с ними Йохан мог забыться до утра. Пока ненавистный будильник не отправит его снова в короткий поход по сельской дороге.

Вот он и на месте... Работа... Не хуже, чем у других сейчас. Многие, многие, многие скажут, что лучше. Но Йохан никак не может поверить в это. Очень пытается, но не может. Еще не привык.

За горизонтом показался дымок приближающегося состава. Первого на сегодня. Все как обычно: гудящие рельсы, свист паровозного гудка, улыбки на лицах встречающих и мелкая дрожь, заставляющая Йохана плотно сжимать зубы. Чтобы никто не заметил.

От Йохана никто не требовал, чтобы он стоял здесь, на перроне. Он вполне мог сидеть в своей комнате, никуда не выходя из нее до конца рабочего дня. Любой другой на его месте поступил бы именно так. Но Йохан решил по-другому...

Сценарий никогда не менялся. Те, кто прибывал на станцию, спешили выйти наружу из тесных вагонов, так надоевших за время долгого путешествия. Им никто не мешал. Напротив, женщинам, старикам и детям помогали спуститься на перрон. Тем, кому было трудно, подносили чемоданы до стоящей неподалеку багажной тележки. Предлагали

желающим написать открытки родным о благополучном прибытии к новому месту жительства. Тревога и неуверенность словно по команде сменялись осторожными улыбками, а потом и робкими шутками.

Волшебный спектакль неизменно заканчивался короткой речью начальника станции. Речь обещала мир и покой. Она звучала настолько фальшиво, что Йохану поначалу хотелось заткнуть уши. Потом привык.

Но прибывшие почему-то не слышали этой фальши и сами строились в шеренги по росту, полу и возрасту. Уходили покорно и в полном спокойствии. Лишь иногда кто-нибудь из детей, словно что-то почувствовав в этом холодном чистом воздухе, вдруг начинал плакать или кричать. Матери успокаивали их, брали на руки. Коллеги Йохана обычно не вмешивались. Лишь старина Улрих, работавший здесь парикмахером, мог подойти к плачущему ребенку, погладить по волосам, сказать что-нибудь доброе в утешение. Даже угостить конфетой. Йохан не знал, откуда Улрих их брал. Но в одном из карманов форменной куртки парикмахера всегда лежала пара карамелек. Говорили, что Улрих просто очень любит детей. Что раньше у него была семья и две дочки. И что они погибли от тифа ещё до войны. Так это или нет, Йохан не знал, а спросить самого Улриха не решался. Не то время сейчас, чтобы говорить по душам.

Через полкилометра дорога разделялась. Разделялись и люди. Здоровых мужчин уводили направо. Остальные продолжали идти своей прежней дорогой. Йохан шел вместе с основной группой: его рабочая комната была в конечном пункте этого направления. Оставалось чуть больше тысячи шагов. Йохан знал это точно. Раньше он считал каждый шаг. Теперь научился погружаться в себя, отрешаться, как будто все происходит во сне и даже не с ним. С каждым днем получалось все лучше.

Вдруг в его полудрему вторгся чей-то вопрос. Йохан очнулся. Перед ним стояла женщина с ребенком на руках. Девочка. Лет пяти. Похожая на его Штеффи. Пожалуй, даже слишком похожая. Конечно, отличия были. Главное из которых – ярко-рыжие длинные вьющиеся волосы, непослушно выбивающиеся из-под скромного серого берета. Но у Йохана кольнуло сердце.

– Вы не могли бы нам помочь? Моя дочь очень хочет пить.

Йохан беспокойно посмотрел по сторонам в поисках шедшего неподалеку офицера. Разговаривать с этими людьми он пока еще не мог. Но, к его ужасу, никого рядом не оказалось. Пришлось отвечать, слушая свой, такой чужой и незнакомый голос.

– Да, конечно. Вот фляга.

– Мы скоро придем? Здесь мой муж, Юзеф. Он выехал из Варшавы в поисках работы два месяца назад. Прислал открытку отсюда. Что жив, здоров. Что здесь очень красиво. И нет войны... Но потом не писал. Скажите, когда я его увижу? Скоро?

– Да, скоро. Конечно, очень скоро, – Йохан забрал свою фляжку, изо всех сил сжал ее. И, чтобы не слышать больше ее вопросов, почти побежал вперед. На работу.

Тесная комната заведующего складом, заставленная аккуратными ящиками с еще более аккуратной картотекой, была его спасительной капсулой. Его шлюзом, отрезающим от мира с его тошнотворными запахами и душераздирающими звуками. Через этот фильтр не проникало почти ничего. Кроме так нехотати услужливой памяти и того, что раньше называли совестью. Но Йохан знал, что память можно тренировать.

Нагружая ее до края. Так, чтобы она стала забывать. Забудет она и детское лицо в ореоле рыжих волос, и маленькие ручки, сжимающие тряпичную куклу. А что уж тогда говорить про совесть...

Йохан с головой погрузился в работу. Заполнял формуляры на вновь прибывших. Пол, возраст, количество. Имен не было. Были лишь безликие цифры. К обеду стали поступать вещи, и работы прибавилось. Думать стало совсем некогда. От лишней мысли можно и ошибиться. А ошибок здесь не прощали.

Лишь поздно вечером, когда прозвучал сигнал об окончании рабочего дня, Йохан оторвал глаза от бесконечных бумаг. В дверь кто-то постучал.

– Войдите! – на пороге стоял Улрих. В руках он сжимал тряпичную куклу.

– Здравствуй, Йохан! Ну как ты тут? Живой? Слышал, у твоей дочки сегодня день рождения. Мы вот тут с ребятами решили подарить ей куклу. Ну и, конечно, выпить за ее здоровье рюмку-другую. На вот, держи! Поцелуй за меня Штеффи и передай, что старина Улрих помнит ее и ждет в гости!

Йохан взял куклу. Не отказался и от волшебным образом возникающих из форменного кармана конфет. Стараясь быть искренним, поблагодарил. И лишь потом незаметно смахнул на пол прилипший к подаркам рыжий длинный вьющийся волос.

ПОСЛЕДНЯЯ МЕЛОДИЯ

Вернон шёл по лесной тропинке, слушая пение птиц. Его тонкий слух музыканта без труда различал отдельные партии в этом многоголосом хоре. Маленькие солисты, меняя тональности, прерывали друг друга. Иногда даже фальшивили и сбивались в спешке с размера. Но Вернону это не резало слух. В песне весны он чувствовал самое главное: любовь, радость и ожидание чуда. Он весь день ловил вдохновение, так беззаботно порхающее от ветки к ветке. Ужасно устал, но и не думал идти домой, боясь пропустить даже несколько нот из этого концерта.

Стемнело. Птичий хор начал ослабевать и вскоре затих окончательно. А Вернон всё не уходил. Он стоял и слушал тишину, необходимую ему в этот момент, как чистый холст художнику. Где-то внутри закипала и поднималась волна, готовая выплеснуться сотнями аккордов на нотный стан. Сердце щемило от сладкой тоски предвкушения чего-то большого и неизведанного.

Вернон был счастлив и полон идей. Всё, теперь домой! Быстрее! Быстрее!! Повинуясь его мыслям, под ногами засветилась малиновым светом тропинка. Раздался предупредительный сигнал, похожий на звон колокольчика. И Вернон почувствовал, как какая-то сила поднимает его над дорожкой, потом начинает мягко подталкивать в спину, разгоняя до огромной, просто немыслимой скорости. Вернон не понимал, как это происходит и почему он не чувствует, казалось бы, неизбежных ударов веток, нависших над тропой. Но это нисколько его не тревожило и не интересовало – привык.

Малиновая линия под Верноном разгоралась всё ярче. Потом начала пульсировать, то расширялась, сливаясь с другими, то тут же сужалась, теряя уходящие в сторону нити. Приближался город. Дорожек, несущих своих пассажиров, становилось всё больше. Им уже было тесно у земли, и они взлетали в небо – каждая на свою высоту. В воздухе, прочно опираясь на пустоту, светились тысячи трасс. Они переплетались в затейливые узоры тончайшей малиновой паутины. Каждый, кто летел над своей тропинкой, видел лишь малую часть этой красоты. И почти не замечал её. Но Вернон помнил, как когда-то давно, в детстве, родители, отложив ненадолго свои важные дела, взяли его с собой на самую вершину башни Содружества. Как он стоял на краю смотровой площадки и не мог отвести глаз от великолепия огненных линий, расчертивших всё небо своими узорами. В этот миг впервые в его душе зазвучала музыка. Робкая и неумелая, как первые шаги ребёнка, но уже определившая всю его судьбу на долгие годы.

Мелодичный звон колокольчика известил о начале торможения. Таково же плавного, как и разгон. Вернон опустил на дорожку за несколько

шагов до своей квартиры на пятьсот тридцать восьмом этаже. Дорожка упиралась в наружную стену, засветившуюся неярким голубоватым светом при его приближении. Квартира, узнав своего хозяина, оживала. Сенсоры считывали настроение Вернона и за несколько секунд, пока он проходил в возникший в стене проём, перестраивали интерьер в соответствии с его осознанными и неосознанными потребностями. Метаморфозы были столь стремительны, что Вернон, пройдя по коридору и открыв дверь, увидел лишь их результат: огромный зал с пушистым ковром на полу, горящий камин, сотни зажжённых свечей в канделябрах и большой чёрный рояль в самом центре. Откуда всё это появилось и куда исчезнет потом, Вернон не знал. В детстве он как-то спросил об этом отца. Тот задумался ненадолго и ответил: «Ты ведь знаешь, сынок, что я скульптор. Под моими руками оживают бронза и мрамор. Вдохновение, живущее в моём сердце, наполняет их душой. Это и есть настоящее чудо, и я знаю о нём всё, что может знать человек. И могу рассказать тебе... Но ты спрашиваешь меня не об этом! А о том, в чём нет ни капли искусства. Почему? Зачем тебе это? Ведь ты – человек! А значит – творец!» Вернон запомнил горечь этих слов и свой стыд за бестактность. Он больше не задавал глупых вопросов. Не думал о лишнем. О том, что недостойно человека, что мешает творить.

* * *

Экипаж звездолёта «Альфа» возвращался из первой для землян межзвёздной экспедиции. Дальность их полёта была ничтожна по космическим меркам – всего двенадцать световых лет в обе стороны. Всего... Правда, немного. Видимо, их подвиг надо мерить в каких-то других единицах. Полгода они разгонялись, мучительно борясь с перегрузками. Потом был долгий шестилетний полёт с субсветовой скоростью. Целых шесть лет ожидания встречи с дальней звездой и ежеминутный страх перед летящими в пустоте песчинками, способными пробить их корабль насквозь... Потом торможение и опять перегрузки...

Они долетели. Им даже повезло открыть две новые планеты. Две прекрасные жемчужины на нити познания, пусть мёртвые и непригодные для жизни.

Эти открытия, как и радость от будущей встречи с Землёй, скрашивали обратный путь. Делали его чуть-чуть короче. Впрочем, радость была с привкусом горечи: расчёты показывали, что на Земле за время их полёта прошло почти пятьсот лет.

* * *

Члены экипажа «Альфы», собравшиеся в рубке, не могли скрыть слёз радости при виде того, как их встречает Земля: около часа назад рядом с ними возникли из ниоткуда восемь больших, сверкающих огнями кораблей. Два из них протянули к «Альфе», казавшейся теперь на их фоне маленькой детской игрушкой, свои манипуляторы. Зафиксировали и стали плавно тормозить, поворачивая «Альфу» к родной планете. Всё это время видеоз экраны показывали фотографии похорошевшей до неузнаваемости Земли, а по радио звучала музыка, прекрасная и великая, как сама Вселенная.

А на самой Земле шло совещание. Решалась судьба экипажа «Альфы». Процесс шёл без лишних слов и эмоций. И то и другое машинам несвойственно. На незримых чашах весов взвешивались судьбы. На одной – экипаж звездолёта, на другой – всё подопечное машинам людское население Земли.

Совещание было недолгим. Машины никогда не колеблются, принимая решения. И никогда не ошибаются. Все ответы они нашли в своей памяти, в файлах о почти забытом прошлом человечества. На мониторах оживали самые яркие картины: войны, эпидемии, голод, снова войны... В последней из них, самой большой и кровопролитной, погибло всё живое на Земле. Планета погрузилась в первобытный хаос. Руины городов, отравленные реки, сожжённые леса – вот то, что получили в наследство первые из машин. Они не стали мириться с этим. Их алгоритмы требовали действий.

Больше ста лет ушло на возрождение флоры и фауны. И хотя многие виды были утеряны безвозвратно, результат превзошёл самые смелые ожидания. По всей Земле зашумели леса, потекли чистые реки. В небе опять летали птицы, в озёрах резвилась рыба, а на равнинах паслись быстроногие лани.

Машины, лишённые чувств, очень скоро поняли, что им нужен кто-то, кто сможет оценить всю красоту их творения. И тогда они воссоздали человека. Первых детей воспитывали сами. Очень бережно и нежно, убирая всё лишнее из их жизни. Следующих – с помощью родителей. Почти не вмешиваясь, лишь подсказывая им иногда. К пятому поколению и этого уже не требовалось. Люди стали действительно высшими представителями своей расы. Развитые физически и духовно, они не знали пороков, навсегда канувших в Лету. Машины не рассказали им про ложь и насилие, а сами придумать их вновь люди оказались не в состоянии.

И вот теперь, когда прошло столько долгих счастливых лет и ничто уже не пугало переменами, из космоса прилетели они... Старые люди со всеми их страстями и недостатками. Они были подобны вирусу, что может заразить здоровый организм. И потом потребуется долгое лечение, которое может и не помочь. Болезнь легче предотвратить.

Вернон играл с судьбой, лаская чёрно-белые клавиши. Огромный зал, замирая, почти не дыша, ловил каждую ноту, вспорхнувшую из-под его руки. И каждый слышал что-то своё в этой симфонии чувств. Грусть от того, что уже не вернёшь, и радость от того, что когда-нибудь будет, непостижимым образом смешивались в их сердцах, заставляя страдать и плакать от счастья.

Вернон играл так, как никто ни до и ни после не сможет. Да и он сам не сможет уже никогда. Он вкладывал в эту игру всю свою душу. И разрывал её на части, впервые страдая по-настоящему. Как будто бы знал, что именно этой музыкой, где-то далеко от Земли, машины провожают «Альфу» в последний полёт.